

Лена Любина

ЛАБИРИНТЫ

ЧУВСТВ

Лена Любина

Лабиринты чувств

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964718

Лена Любина. ЛАБИРИНТЫ ЧУВСТВ. – / Любина Лена: Эра; Москва;

2011

ISBN 978-5-905016-38-7

Аннотация

«Как жадно ловила она его слова. И даже не смысл их. Его слова слышали ее уши, а значит, его слова слышали также и ее грудь, ее живот, ее спина, ее руки... Вся она купалась в его словах. Они омывали, сладко обволакивали каждую ее точку. Его слова легко проникали в самые потаенные места ее тела, заставляя их трепетать в изумлении наслаждения.

Она могла пребывать в этом состоянии бесконечно.

Звуки его голоса, его жесты, взгляды окунали ее в безвременность чувства, в бесконечность искушения, в изнемогающее предчувствие удовольствия...».

Содержание

Часть I	4
1	4
2	8
3	13
4	24
5	29
6	33
6	41
7	48
8	52
9	55
10	58
11	66
12	72
13	78
14	83
15	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Лена Любина

Лабиринты чувств

Часть I

1

– Ласточка, твой муж, он что, до сих пор в неведении относительно моего существования?

– Вадим, твой вопрос уж больно витиеват. Конечно же, нет. По-крайней мере, я так решила! – Мила отвечала Вадиму, ее давнишнему другу, с некоторым раздражением. Ей очень не нравилось смешивать несовместимые вещи.

Зачем говорить о муже, когда так хорошо и безмятежно вдвоем? Хотя именно этот вопрос не был нов для нее. Этот вопрос был обычным во время их встреч и всегда был предвестником их близости. У них это был не вопрос, а предложение, объявление желания.

– Я вижу, тебе уже надоело сидеть в этом ресторане, ты наелся, и, кажется, надоела и я, раз ты решил развлекать меня такими разговорами.

Почему-то этот услужливый вопрос-намек Вадима, кото-

рый он произносил (и он это знал, потакая желанию Милы), сегодня как-то резанул ее. И впервые у нее появилось ощущение от этого знакомого вопроса-предложения, что Вадим хочет влезть в ее жизнь помимо того времени, что она ему уделяла.

Мила совершенно спокойно могла третировать Вадима, никак не пугаясь возможности его исчезновения, хоть и привыкла к нему – все-таки уже много лет как они знают друг друга. И не просто знают. Он все эти годы был ее постоянным любовником. Естественно, были и есть и другие, но он – единственный постоянный. «Мой неизменный друг» – как она говорила о нем. Ее не домашняя, не официальная тень.

– Милочка, я обмолвился, я просто хотел напомнить, что я здесь, рядом.

– Ты знаешь, что мне никогда ничего не надо напоминать, я все помню. И любые напоминания только сбивают, даже убить готова, так они меня раздражают.

– Милочка, не сердись, я же...

– Все, пойдем. Отвези меня к моей машине.

– А как же...

– Никаких как же. Ты мне сегодня надоел. Позвонишь завтра.

Они вышли из ресторана. Вадим подвез Милу к ее машине. Она вышла, даже не взглянув в его сторону. Почему-то настроение было испорчено. А ведь все было как все-

гда. Обыденный день с обыденными заботами и временем для «радостей жизни», как она это называла. Но сегодня «радости» что-то не удались.

«Что-то я стала слишком раздражительной, – сама себя осаживала Мила, бесцельно катаясь по городу. – На работу не поеду. Зачем? Накричу, запугаю людей, это ни к чему. Они и так дрожат, боясь допустить ошибку. И моя несправедливая раздражительность, мой неожиданный ор будут для них неприятным сюрпризом. Да и для меня самой это отнюдь не будет радостью».

В общении с сотрудниками, с посторонними людьми, Мила всегда была сдержана, всегда сухо-непроницаема, выдержка не изменяла ей в любых ситуациях, срывы были не для нее, впрочем, такой она была и не только с чужими, очень, очень редко она позволяла себе расслабиться, распуститься только в кругу тех, кого она определяла как «своих».

«Я как-то странно стала себя чувствовать в своем теле. Любые, самые обычные вещи почему-то могут вызвать у меня неприятие, гнев, раздражение. Вот и Вадим, услужливый и милый, как всегда, сегодня не принес отдохновения, а только раздражил».

И Мила, опутанная собственными странностями, решила поехать домой, уткнуться в телевизор. Может, хоть от него одурею и не буду кидаться с ожесточением на все и всех, кто

меня окружает.

Утро. Ночь странно прошла, оставив после себя ощущение смутного беспокойства с какими-то легкими, лучезарными ожиданиями. Оставив после себя не запомнившиеся, но вещие, многозначные и не пугающие сны.

Мила по своей давнишней привычке встала раньше всех, но непривычно и необычно для себя осталась надолго в ванной, рассматривая себя, свое тело в зеркалах. Рассматривая и по частям и все вместе.

«Как это непривычно, как это непонятно. И чего ради я на себя уставилась? Хотя...» – стали всплывать напоминания о незапомнившихся снах.

Женщина до тех пор остается женщиной, пока она сексуально привлекательна. Так она думала, глядя в зеркало. И где это? Где во мне то, что называют этой самой сексуальной привлекательностью? Глаза небольшие, губы узкие, нос, волосы... – все это ей очень не нравилось.

Конечно же, при сравнении эталонами невольно всплывали образы фотомоделей и кинокрасавиц. Единственно, что Мила относила к разряду своих достоинств, так это свою миниатюрность. Нет, никогда ей не хотелось быть обладательницей крупных форм и пышных размеров.

Однако же, несмотря на всю свою неудовлетворенность от образа, маячившего в зеркале, Мила была твердо уверена, и

этому были основания, что любой мужчина сделает то, что она пожелает, любой будет от нее зависим, даже если она этого и не захочет.

Хватит вертеться – не без труда оторвала она себя от зеркала. Уже было слышно, что все встали. Уже кофе, приготовленный мужем, источал свой аромат, взывая к новым радостям жизни.

Муж третий или четвертый, он поэтому и обозначался у Милы только этим словом, Муж просто заполнял социальную ячейку в ее окружении, именно для этого предназначенную. Помимо этой социальной роли, он еще добросовестно работал отцом ее детей, хотя все они были от первого мужа. Конечно, что-то удерживало их вместе, хотя достаточно странно выглядело.

Милу устраивал Муж как исполнитель, добросовестный в роли отца, как работающий и хорошо зарабатывающий, как неотъемлемый предмет ее антуража. И при всем этом он был неплох в постели, а уж в чем в чем, а в этом Мила хорошо разбиралась и была очень и очень взыскательна к тому, чтобы это «неплохо» могло удовлетворять ее.

И это состояние «неплохо» должно было быть достаточно стабильным, так как Муж был гораздо моложе Милы. Его социальную состоятельность Мила легко могла отнести на свой счет. Это она присмотрела этого Мужа еще молоденьким выпускником универа, не умеющим применить свои знания.

Это она заставила своего отца взять его в их фирмочку.

Впрочем, тогда уже их с отцом фирмочка вполне тянула на фирму, и уже тогда они остро испытывали нехватку специалистов. Отца же ей пришлось заставлять потому, что хотя всем и заправляла она, но в то время оперативной деятельностью и рутинной работой занимался пока еще ее отец, очень неохотно идущий на любые изменения.

Но только ее заслуга, ее усилия, ее старания раскручивали фирмочку в фирму. И в эту пору бурного роста, открытия новых направлений и расширения области работ, Муж пришелся для них впору.

Муж оказался умницей, благодатной почвой, и легко влез в управление, финансы, руководство. Стал самостоятелен и в то же время помнил, что все это создали интуиция и усилия Милы. И, наверное, в этом для него и была привлекательность Милы. Она, как мать, подобрала его, поставила профессионально на ноги, взрастила в бизнесмена и при этом была такой же учительницей в постели, передавая ему весь опыт предыдущих трех-четырех официальных замужеств и нескольких незарегистрированных связей, достаточно долгих, чтобы их можно было упоминать.

Муж благоговейно поцеловал Милу и помчался на работу. Мила механически его чмокнула и, закуривая сигарету, посмотрела в окно, как он садится в машину, здоровается с шофером, машет ей рукой и уезжает.

«И с чего это я стала думать про сексуальную привлекательность?» – спросила себя Мила. И как-то внезапно осознала, что «сексуальная привлекательность» сформулировалась в слова, в вопрос, наверное, оттого, что ей уже за сорок.

Хотя она и выглядела моложе своих лет, и никто и не думал давать ей более тридцати, но, очевидно, сам возраст уже непроизвольно рождал такие мысли.

Почему-то только сейчас она стала понимать известную фразу из кинофильма, что в сорок лет жизнь только начинается. Или ей только казалось, что она это понимает сейчас правильно. И эта фраза из фильма отлично коррелировалась с песней из детства: «Если бабе сорок пять, баба ягодка опять». Песней, так непонятной тогда, и так близко осязаемой теперь.

Интересно, размышляла Мила, докуривая вторую сигарету и прихлебывая кофе, все ли в моем возрасте думают как я, у всех ли такие же странные, как ей казалось, мысли. Мила даже не думала в прямом смысле этого слова, она как бы со стороны созерцала течение своих мыслей. Причем, местами, они ей казались и вовсе не ее.

Неужели все мы, такие разные, белые, черные, рыжие, толстые, худые, длинные и не очень, все такие разные внешне, думаем, ощущаем, чувствуем одинаково? Это было бы неправильно и странно. Не может быть, чтобы кто-то другой,

читая книгу, ту же, что и я, ощущал то же самое. Или, глядя из окна, видел то же самое, что и я.

Нет, все-таки, хоть и вид из окна один и тот же, и книга та же самая, но запах, вкус, оттенки ощущения, восприятие разные. И я уникальна. Похожие ощущения могут быть, но таких, как у меня, нет, их нет ни у кого.

Сигарета обожгла пальцы. Пепел на столе, пепел на полу. Выскочили дети, ритуально приложились к ее щеке и побежали в машину. Ее водитель, тихо матерясь, думал, что эти отпрыски не могут не опаздывать, заставляя его мчаться, нарушая вся и все, лишь бы доставить их на учебу вовремя.

Мила, механически одеваясь, позвонила шоферу, чтобы он, закончив отвозить детей, вернулся за ней. Садиться самой за руль ей сейчас что-то не хотелось.

3

Что же это? С чего ради? Почему? – невольно возникали вопросы. Никогда раньше такое мне даже в голову не приходило. Неужели это из-за него? Из встречи обыденной, незаметной, вдруг переросшей в постоянные, осознанно нежеланные, но внутренне ожидаемые встречи. Постоянные? Нет, они скорее были случайными, но, как сейчас подумала Мила, случайными закономерно. А почему они стали такими, что это – любовь? Peut-être.

Сегодня все было не так. Непривычно, непонятно долгое пребывание в ванне, разглядывание себя. Разглядывание, наверное, впервые в жизни. Ни в детстве, ни в юности, ни позже, никогда ее не интересовала ее внешность.

Вернее, она всегда была ею удовлетворена и уверена в ней. Также впервые она не поехала на работу раньше всех. Обычно она первая появлялась у себя на работе в своей фирмочке. Встречая сотрудников и взбадривая их своей тщательной требовательностью.

Позвонил шофер. Он уже вернулся. Мила вышла, села в машину, закурила. Поехала к себе. В свою фирмочку. Собственно в ней и произошло то, с чего у Милы сегодня возникли эти мысли.

Как-то раньше она никогда не задумывалась над словом «любовь». Легко произнося его, легко его разбрасывая. И те мужчины, что с ней общались, свободно вписывались в легкость употребления Милой этого слова. И Мила всегда считала, что уж она-то знает значение и смысл этого слова.

Долгая дорога способствовала размышлениям. Шофер не мешал, а сосредоточенно рулил, стараясь не дергать машину, дабы не беспокоить хозяйку. Телефонные звонки как-то скапливались и прорывались лавиной ближе к вечеру, и Мила всегда внешне расслаблялась по дороге на работу, внутренне настраиваясь, спокойно перебирая и осмысливая течение дел.

Сегодня была долгая дорога. Не оттого, что она длинна и далеко фирма от дома, а оттого, что уже день, полно машин, полно обычных пробок. Еще и поэтому Мила любила приезжать на работу пораньше.

Обычно Милу раздражала эта езда в ползущем потоке машин, иногда срывающихся с бешеной скоростью, но эти скоростные участки всегда слишком кратки, чтобы доехать до цели. А сегодня она с удовольствием созерцала передвижение машин, смену улиц, зданий за окном. Все это вписывалось в размышления, почему-то начавшиеся сегодня утром.

Мила всегда думала, что своего первого Мужа она люби-

ла. Как настойчиво и долго она его добивалась, какие прилагала усилия, даже насилия над собой, и как она ошиблась, приняв за любовь влюбленность, влечение, как мгновенно, когда пришло время, все исчезло. А какой он оказался скотиной!

Но лучше все с начала. Первый Муж Милы – ее одноклассник. Она влюбилась в него еще в восьмом классе. Высокий, блондин. Похоже, он был самым привлекательным мальчиком в классе, в школе. Уже тогда две ее нынешние подружки, две ее одноклассницы, пытались конкурировать с ней.

Конкурировать в обладании самыми красивыми и привлекательными мальчиками, а затем и мужчинами. В то время, правда, ни они, ни она не претендовали на то, чтобы называться подругами. Это случилось потом, после ее победы в борьбе за первого своего Мужа, что, несомненно, их сблизило.

Как странно сближает борьба, конкуренция: после расставания после школы, учебы в разных институтах, после ее первого развода они сошлись вновь, хотя и продолжали встречаться все это время, но подружками уже стали лишь тогда, когда она развелась в первый раз. А тогда Миле пришлось приложить немалые усилия, чтобы победить всех, чтобы он в нее влюбился. Правда, она всегда была на виду, всегда в центре внимания, но отнюдь не как красавица или первая ученица, а как организатор всех дел и происшествий,

какие только можно было создать в школе.

Мила никогда не считалась красавицей, но не была она и уродиной, простушкой, бесцветной. Она не была первой ученицей, но всегда считалась одной из лучших. Казалось, что ее кипучая энергия не дает ей стать первой красавицей, первой ученицей. Но зато она всегда была первым авторитетом.

И, наверное, именно это не давало тогда будущему первому ее Мужу возможности увидеть в ней девочку. Несмотря на то, что он пользовался бешеной популярностью не только у одноклассниц, но и у девчонок более младших классов, даже и у старшеклассниц. И, упиваясь своей популярностью, он сам не переставал оказывать внимание всем, всем девчонкам, кроме нее, очевидно, совсем не воспринимая ее как девочку, а лишь как существо другого пола, или, в общем-то, бесполое.

И ей впервые пришлось ломать себя, «переодеваться», подстраиваясь, чтобы ему было интересно, преображаться, чтобы завлечь его. Именно тогда она обнаружила, что не все и не всегда получается так, как она хочет, тогда, когда она хочет. Не все и не всегда получается от казалось бы естественных и очевидно-правильных ее действий. И впервые она стала подчинять осознанно своей голове свои поступки, рассудочно контролируя все, что происходило вокруг, и не менее рассудочно контролируя себя.

Тогда, в школе, Миле пришлось сказать своему мальчику, что он умен, умнее всех. Впоследствии Мила пользовалась этой фразой, когда хотела установить контакт с мужчинами, польстить им. И, на удивление, это всегда срабатывало. Тогда же она рассудочно-бессознательно умерила свои организаторские и руководящие порывы, прикинулась слабой, добиваясь внимания, любви своего первого мальчика, будущего первого Мужа. И он ее увидел, увидел уже как девочку, а не как авторитетную одноклассницу.

А ведь за ее деловую хватку и неумеренную активность Милу даже называли в школе нашей Кларой Цеткин или Розой Люксембург и говорили, что для полноты комиссарского образа ей не хватает только красной косынки и револьвера.

Итак, он увидел в ней девочку, а дальше началась сумасшедшая пора. Запойное время, когда кружилась голова от ежедневной весны. Когда «сердцу сладко, сладко, сладко, все непонятно, все загадка, какой-то звон со всех сторон» (*Ив. Бунин*). Но изумительно, что эта всепоглощающая страсть не мешала Миле оставаться одной из первых учениц и по-прежнему быть во главе всех школьных событий.

Играет знакомая мелодия. Ах да, это телефон. Водитель удивленно посматривает в ее сторону – почему она так долго не берет трубку.

– Я занята, перезвоните позже.

Петечка. Не могу же я при водителе с ним разговаривать. Мила почувствовала, как краска заливает ее лицо, как напрыглись ее соски. И это даже не слыша его голоса, а только увидев на экране телефона, что звонит он.

Никогда раньше от мужских голосов Мила не краснела. Делая усилия, чтобы не выдать своих эмоций, Мила закурила; когда дым перестанет маскировать ее, краска уже уйдет с лица.

Свадьба, рождение детей, четыре года с ощущением счастья. Энергии Милы хватало, чтобы и любить, и рожать, и учиться, причем так же, как и в школе, быть одной из первых и в учебе и жизни института.

А потом, впрочем, это было не потом, а, наверное, на протяжении всех четырех лет первого замужества... Просто Мила была упоена новыми ощущениями и поначалу не замечала червоточинки того, кем она так увлеклась еще в школе.

Иногда, как вот и сейчас, на нее волной выливались воспоминания, удивленно-горестные теперь, как она, от природы умная, могла клюнуть на чисто физиологическую приманку первого Мужа.

Да, высок, да, блондин, да, всегда великолепно одет, да, популярен, да, пользуется спросом. Но ведь даже ее одноклассницы, все ее школьные подруги, млея в ожидании более близкого знакомства с ним, отпрыгивали от него после узнавания, после общения с ним, хотя, конечно же, не все, кто-то продолжал за ним бегать. Но те, что прерывали с ним об-

щение, были отнюдь не такими умными и деятельными как она, но все же оказывались более ушлыми, прожженными в этом вопросе, четко распознавая в нем барыгу, выжигу. Распознавая инстинктивно, даже не то, чтобы зная значение, но и не зная самих этих слов.

Собственно, все знали (и она тоже), что он фарцует на «галёре», что он безжалостен и злопамятен в деловых отношениях. Ее одноклассники и одноклассницы не раз обожглись, обратившись к нему, польстившись на понравившуюся им вещь. Рассчитывая на его помощь и участие в каких-либо делах, принимая поначалу его как товарища и лишь затем прозревая, что он и не соприкоснулся бы с ними, не чуя своей материальной выгоды, выпячивая себя, как незаменимого и ценного авторитета.

И лишь она избежала этого ожога. За этим она к нему никогда не обращалась, как никогда не обращала внимания на свою одежду, наверное, оттого, что никогда у нее не было плохой одежды. Ее родители тщательно следили за тем, как она одета, и в добротности внешнего облика Милы никогда не было сомнения, и тогда для нее этого было достаточно. А свою авторитетную самодостаточность она ощущала всегда, правда, для себя никогда не оформляя это словами, не формулируя.

Конечно же, Мила знала обо всех этих «ожогах» одно-

классников, знала и о его жестком, злопамятном отношении ко всем, кто вступал с ним в какой-либо контакт. Но, но... наверное, ее увлекло тоже и соревнование с подружками.

Сейчас-то Мила, вспоминая то время, говорила себе, что молодость – синоним глупости, но почему именно она, избежавшая маленьких «ожогов», обожглась так, что чуть не сгорела? И постепенно Мила стала замечать, что первый Муж и вовсе не умен, и равнодушен к детям, и равнодушен к ней. А Милу по-прежнему тянуло к нему, ее энергии хватало и на дневную деятельность и на ночную работу.

И, сначала ночью, Мила стала замечать, что гиперсексуальность юношества у Мужа совсем не гипер, а затем, постепенно, началось удаление от Мужа и днем, хотя учились они в одном институте и даже в одной группе.

Миле стало не хватать ночей. Распробовав, она полюбила их. Полюбила эту сладострастную работу. Полюбила мужское тело. Полюбила и свое. Ей нравилось, как она его использует, даря удовольствие мужчине и наслаждаясь этим сама.

А Муж перестал быть горячим ночью, прошли и его дневные порывы. Тело же Милы, полюбив это, стало спонтанно требовать этого и днем. И если в первые пару лет замужества Муж легко отзывался на эти порывы Милы (и становилось непонятным, кто кому отдавался, он ей или она ему), то через некоторое время, Муж стал манкировать своей наипер-

вейшей, как тогда думала Мила, обязанностью.

Муж стал отдаляться от нее не только в этом. Он как-то начал сторониться ее, больше проводя время с друзьями, среди которых, конечно же, были и девчонки.

Как только Мила осознала это, она тут же сказала себе – стоп, хватит, этот брак изжил себя. И она спокойно, со своей обычной серьезностью и деловитостью, энергично начала развод.

Муж воспринял это спокойно, даже не попытавшись задать обычные в таких случаях вопросы. Наверное, у него это тоже был единственный случай в жизни, когда он не стал выжимать выгоду с первого ее слова о разводе.

Просчитав, очевидно, в своей ростовщичьей голове, что Мила с тремя детьми уже не представляет ценности, и выгоднее будет просто с ней расстаться, боясь, что его оброненное слово сможет нанести ему материальный ущерб, он все рассматривал только с позиции – а что я буду с этого иметь? Не стараясь выяснить, почему она так решила.

О детях он не то чтобы не вспоминал, а даже намек на то, что они у него есть, что он их отец, не прозвучало. Мила же поначалу думала, что он будет продолжать оставаться отцом ее детям. Но, увидев его не просто равнодушие, а отрицание собственных детей, решила, что и формально не стоит ее первому Мужу оставаться их отцом. И попросила его отказаться от отцовства. Здесь Муж проявил живой интерес.

Какая скотина! Какой выжига!

Как странно и как не вовремя поздно у нас начинают открываться глаза. Как, прозревая, мы неожиданно беспомощны. Как мало, как плохо мы знаем человека, даже прожив с ним четыре года. А может это из-за того, что эти четыре года прошли в ослеплении влечением, сладости открывшегося секса? А когда эта четырехлетняя вспышка прошла, началось узнавание друг друга, и это узнавание ничего хорошего не принесло.

Итак, первый Муж, поняв, что Мила как-то от него зависит, прося отказа от отцовства, ступил на свою стезю и спокойно объявил ей, что он, конечно же, согласен. Согласен ей услужить и удружить. Просто за это надо заплатить.

Три тысячи баксов за штуку (ее ребенок – штука!!!) – и он с радостью подпишет все бумаги. Вот когда Миле понадобилась ее энергия, ее деловитость, ее хватка. Все навалилось одновременно, окончание института, развод, попытки найти почти 10 тысяч долларов.

Три года ушло у Милы на то, чтобы окончательно расстаться и забыть первого Мужа. Именно в эти три года она заставила своего отца открыть фирмочку. И сама занималась ее делами вместе с отцом.

Для чего Мила надела с фирмочкой на своего отца, для чего сама при невероятной нагрузке занималась еще и ее делами, она не знала. Все это Мила делала как-то инстинктив-

но, интуитивно, как будто кто-то подталкивал ее в спину.

Она до сих пор пребывала в недоумении, почему она, после спецязыковой школы, поступила в технический институт, затянув туда и своего первого Мужа. Также недоумевала, почему она решила открыть именно аудиторскую фирму и пошла учиться и на бухгалтера, и на аудитора, а много позже, уже будучи замужем за нынешним Мужем, получила и юридическое образование.

Вместе с вопросом «почему?» у нее сейчас возникал вопрос «как?». Как она все это ухитрялась успевать. Тогда Мила занималась делами их фирмочки, примерно как занималась ими и сейчас.

Правда, сейчас это происходило куда как на более высоком уровне. А тогда фирмочка была одним из направлений ее ежедневных забот, направлением, которое она непрерывно контролировала, но рутинно занимался им ее отец.

И лишь потом, спустя лет пять, когда появился нынешний, третий или четвертый, Муж, фирмочка уже набрала обороты, стала фирмой. Но и в эти три года она уже стала заведением, приносящим серьезные деньги. В эти три года она должна была ни на минуту выпускать из вида первого Мужа, боясь, что он ускользнет, не выполнив так нужного ей отказа от отцовства.

Приехали. Мила отпустила шофера.

– Буду на работе весь день.

Зашла к себе, на ходу здороваясь с сотрудниками. На рабочем столе букет роз. Никакой записки. Опять Петя?! Мила позвонила секретарю.

– Кофе. Кто звонил? Директора. Кто принес цветы? Когда? Цветы в вазу.

Ответы следовали не совсем в такой же последовательности: цветы сегодня к открытию принес посыльный, от кого не сообщил, настояв лишь на том, чтобы положить их Вам на стол. Кофе. Список звонков. Директор. Рутинная обыденность дня.

Конечно, это Петечка. Это он приносит ей цветы и при этом отнекивается, делает вид, что это не он, если ему не удастся вручить их ей лично.

Петя, Петечка, Петенька... так и называла Мила его, обладателя твердого, несокрушимого имени Петр. И не потому, что Петя был моложе ее, моложе даже ее старшего сына. Нет. Слово Петр не поднимало в ней той теплой волны, которая поднималась всякий раз, лишь стоило Миле увидеть его, подумать о нем.

И этим словом Мила спасительно пользовалась, находясь

с ним на людях. Произнося «Петр», она как за броню прятала за этими звуками себя, свои чувства, казалось, неуправляемые, неуправляемые при встрече с ним.

Окончательно расставшись с первым Мужем, Мила старалась даже не вспоминать его, хотя дети отчасти и были похожи на него. Но Мила научилась обрывать ассоциацию с ним, глядя на детей. Это просто так выглядят ее дети, а того, от кого они появились, нет, и просто не было, а значит, и они не могут быть похожи на того, кого нет, и не было.

Несколько лет до своего нынешнего Мужа Мила прожила, можно сказать, спокойно, рутинно, для нее обыденно. Друзя, она все время училась, что, впрочем, продолжала делать и теперь, много работала, была пара официальных замужеств, коротких, незапоминающихся.

Именно тогда она и познакомилась с Вадимом, проводя все свое время в своей фирмочке, можно сказать, живя в ней. Ей приходилось делать все, включая контроль, во сколько надо занимать очередь в налоговую, чтобы потом не слушать объяснения, почему отчеты не были вовремя сданы. Проверять работу своих же сотрудников, чтобы потом не краснеть перед клиентами за некачественную работу. Создавать личные контакты и с налоговой, и с милицией, и с судами и судьями, и всеми силовыми, административными, государственными организациями. И также и с сопутствующими

партнерами – обналачивающими конторами, изготовителями печатей и штампов, программистами, и т. д. и т. д.

Вот когда нашла применение ее организаторская активность, так всем надоевшая, пока она училась в школе, и так органично востребованная в это время. Тогда-то и появился Вадим, владелец небольшой фирмочки, со своими бухгалтерско-таможенно-декларационными проблемами.

Она, ее аудиторская фирма (и все же скорее она, т. к. ее фирма – это всего лишь часть инструмента, которым она пользовалась), решала его проблемы, решала так же, как и все остальное, добросовестно, старательно, тщательно. Не завышая цены, иногда даже себе в убыток.

С Вадимом у нее было много возни, потому что он пришел к ней уже хорошо увязший, опутанный проблемами. И ей приходилось много мотаться по городу, посещая нужных людей и нужные организации. В то время у нее еще не было машины, не было, в общем-то, ничего, кроме себя самой и заботы о сборе денег на окончательное расставание с первым Мужем. Еще и поэтому Вадим стал в это время почти ее личным шофером. А она пользовалась его машиной не только для того, чтобы решать его проблемы, но пытаясь успеть сделать как можно больше и своих дел.

Вадим был ее ровесник. С семьей, женой и детьми. И ничего между ними не было. Она ему звонила, назначая время, когда он должен заехать за ней, чтобы отвезти ее по его де-

лам, а заодно и по своим.

Довольно долго и плотно занимаясь проблемами Вадима, а он, наверное, был одним из первых ее проблемных клиентов, она сама многому научилась. И даже как-то сроднилась с ним. А разругив его дела, даже слегка пожалела, что все закончилось. Но он, увидев, как грамотно разрешились его проблемы, решил перевести всю свою бухгалтерию под ее контроль, и, таким образом, стал ее постоянным клиентом.

Но совсем не потому Мила затащила его в постель. Затащила в прямом смысле этого слова, правда, без особого его сопротивления, можно сказать, при его потакании этому. Просто после расставания с первым своим Мужем, она уже никак не обращала на мужчин внимания, кроме как для их утилитарного использования, использования тогда, когда ей этого хочется.

И когда она закончила разбор дел Вадима, то обнаружила, что и он, в общем-то, мужчина оказывается. Он при этом как бы вышел из категории клиентов ее фирмы.

Именно теперь она научилась оценивающе оглядывать их, мгновенно решая, хочет она или нет, и сколько усилий надо приложить для удовлетворения своего желания. Впрочем, усилия – это громко и слишком сильно сказано.

У Милы было какое-то сказочное обаяние. Она, сухо, почти черство относясь к другим людям, почти мгновенно располагала их к себе, в том числе и мужчин. Что-то непонятное влекло их к ней. Так что усилие ей надо было прикладывать

исключительно только к себе самой.

И хоть Вадим и был владельцем фирмы, но, решая его проблемы, она уже командовала им, его действиями. И точно также она «скомандовала» ему, когда ей захотелось «этого», захотелось его, захотелось постели с ним.

Расставшись с первым Мужем, она не была одинокой в постели. Поняв, что ее тело своими желаниями будет ей очень мешать работать, Мила позаботилась о том, чтобы быстро и оперативно удовлетворять возникавшую «жажду».

Но никого она не задерживала около себя надолго, а вот к Вадиму попривыкла еще даже без постели, взясь с его проблемами более года, и однажды как-то вызвав его, завезла на свою съемную квартиру и без всяких предисловий раздела и уложила его с собой в постель.

Он был подавлен и ошеломлен ее натиском. И даже не то, что пытался сопротивляться, но и сказать-то толком ничего не смог. Лишь повторяя недоуменно: «что это, что это?» – пока она его раздевала, а потом, войдя в раж, уже было не до слов.

Более всего же его удивило и озадачило дальнейшее, – Мила также быстро и деловито оделась, как и раздевала его, и теперь торопила – «давай, давай, пошевеливайся. Отвезешь меня сейчас на работу, а завтра позвони, и в четыре заедешь за мной» – как будто они не лежали еще десять минут назад в постели, а вышли из приемной какой-то организации.

5

Звонок. Обычно Петя замолкал до следующего дня, когда Мила его отфутболивала. А здесь опять он.

– Петенька, я очень занята, говорить не могу, освобожусь – сама позвоню, – властно выдала она в трубку, не слушая и не пытаясь услышать, что он ей скажет. Не будучи совершенно занятой и, естественно, совсем не собираясь ему перезванивать.

И в это же время она познакомилась со своим нынешним Мужем. Как он появился на одной из вечеринок, Мила не помнит. У нее, у ее родителей дома всегда было полно народу, двери для всех были открыты.

Энергии Милы хватало, чтобы общаться со всеми вместе и с каждым в отдельности. Она легко помогала тем, у кого что-то не удалось, поддерживала тех, кто был успешен. И безошибочно, интуитивно общалась только с нормальными людьми, отмечая негодяев и подлецов. Наверное, только первый Муж – первое и единственное исключение из этой когорты.

И вот однажды Мила заметила этого будущего третьего-четвертого Мужа, заметила, что видит его у себя в компании не первый раз, заметила, что на удивление себе, не знает кто это. Спросила подружку. Оказалось, что он только что окон-

чил универ.

И это как раз сошлось. Как будто специально было построено. Для их фирмочки нужно было продвижение, нужны были свежие мозги, нужен был специалист со знаниями, не обремененный опытом и ошибками практической работы. Нужно было открывать новое направление, без которого уже стопорилось не только развитие, но и само существование бизнеса было бы весьма проблематичным уже в ближайшем будущем.

И Мила сошлась с ним, сначала приведя его в их фирмочку. И, продолжая развивать ее, с головой закапываясь в работу, все больше и больше сближалась с нынешним Мужем. А фирмочка, то ли оттого, что этот Муж пришел туда и внес новое, то ли от совокупности всех сложившихся обстоятельств, начала активно развиваться.

Несомненно, здесь сыграл свою роль и весь ком знакомств и связей, которые Мила нарабатывала еще со школы, расширяла в институте, в деятельности своей аудиторской фирмочки, во всей последующей жизни. Этот ком знакомств Мила легко везла все время, увеличивая его, активно им пользуясь, но так легко и непосредственно, что никто не замечал, что им попользовались.

Где-то через год после знакомства этот Муж остался ночевать у Милы... Это уже само по себе было знаковым явлением. Никогда, ни один мужчина не оставался у нее дома

без того, чтобы не стать ее мужем. Причем и она не могла бы вспомнить, почему она оставила его спать у себя, еще не зная о том, что он будет ее мужем, хотя, может быть, уже и зная, но еще не догадываясь об этом.

И как-то само собой появилось предложение об оформлении отношений. Мила даже не могла припомнить, кто первый произнес это предложение. И, в общем-то, нетрудно догадаться, что это была не она.

Поначалу Мила отнеслась к этому событию как к очередному браку, легко, почти как к обыденному действию. Подумаешь, еще один Муж...

Мила так легко и без усилий получала мужчин, причем только тех, которых хотела она, что этот брак не был значительным событием. Но затем, года через три-четыре после начала этого брака, у Милы стали появляться мысли о социальном статусе.

Социальном статусе не для себя. Сначала она подумала о детях. До сих пор все, что ни делала Мила, происходило как бы на интуитивном, бессознательном уровне. Слава Богу, что все происходило верно и правильно, так, по крайней мере, решала для себя Мила, но теперь она уже рассудочно стала планировать дальнейшую свою жизнь, ну хотя бы в той степени, в какой это возможно.

Уже явственно ее дети нуждались в официальном отце. Уже ее дети становились социально ущербными без оно-

го. Да и она сама периодически стала ощущать незаполненную социальную ячейку мужа рядом с собой. Так почему бы нет? Этот третий-четвертый Муж ее вполне устраивал, и Мила стала более внимательно относиться к нему, решив, что он должен продолжать оставаться ее Мужем и отцом, пусть формальным, ее детей, пока они не вырастут.

Нет, это не был холодный эгоистический расчет. Скорее, это был расчет поддержать и сохранить те достаточно близкие и теплые отношения, что уже лет пять были между ней и нынешним ее Мужем.

Если раньше в личной жизни Милы и была стабильность, так только в отношении нестабильной, в обыденном понимании, и бурной событиями жизни. И эти шторма и бури, которые Мила большей частью создавала сама, она воспринимала как естественное течение жизни.

Но теперь, когда уже подрастали дети, как-то само собой возникла необходимость в стабильности хотя бы в семейной жизни. Сейчас эта стабильность была. Была и продолжала оставаться таковой. Но в самой Миле появилась червоточинка. Этой червоточинкой и был Петя.

6

Рабочий день в разгаре. Впрочем, для Милы уже достаточно давно работой были не только и не столько текущие дела ее фирмы, сколько, как она говорила, просто встречи с людьми.

Мила теперь, как и в начале организации их фирмы, занималась контролем происходящего. Но если раньше всей рутинной занимался ее отец, если в период раскручивания фирмы она сама занималась всем – и договорами с клиентами, и бумажными проверками, и беготней по государственным организациям, то сейчас Мила оставила за собой лишь финансы и общее управление.

Ее Муж руководил юридическим сопровождением их дел, а начальники проектов вели текущие дела, замыкавшиеся теперь на наемном директоре. К помощи Милы прибегали лишь тогда, когда необходимо было решить вопросы в судах, администрации, милиции и т. п. и т. п., или, как она сама себе говорила, когда необходимо было связаться с общественностью.

Активная, она легко заводила знакомства. А познакомившиеся с ней испытывали необходимость продолжать с ней общаться. Мила пользовалась этими знакомствами, управляла ими. У нее как-то не получалось знакомств с бесполез-

ными, ненужными людьми. И одни умные и деловые цепной реакцией приводили за собой других, таких же умных и деловых.

Фирма же теперь стала для Милы скорее удобным местом для общения. Со временем она выкупила в том же здании, где была ее фирма, еще один этаж, в котором открыла довольно большое кафе и ресторан, что создавало еще больше удобств для различного рода встреч. Благо в кабинет Милы легко можно было подняться, не выходя из кафе на улицу.

То, что ей принесли цветы от Пети, не было чем-то шокирующим, разоблачающим или из ряда вон выходящим. Наоборот, это вписывалось в ее обычный день. Каждый второй проходящий к ней, если он был мужчина, был с цветами.

Ее нынешний Муж еще во время узнавания друг друга был ошеломлен и обескуражен обилием цветов, конфет, знаков внимания, которые оказывали ей практически все мужчины, попадавшие к ней в офис. И, это его также удивило, что она, походя, холодно, даже не принимает, а лишь отстраненно наблюдает, и наблюдает внешне очень невнимательно, за этими знаками внимания.

Причем она никогда не сопротивлялась, не отнекивалась от вручаемых подарков, а лишь равнодушно бросала взгляд на принесенное. И даже этого взгляда оказывалось достаточно, чтобы мужчина почувствовал себя отблагодаренным.

Наверное, это холодное, безразличное отношение к муж-

чинам (с ними она даже в деловых разговорах была менее добросердечна, чем с женщинами), тоже подкупило его. Он просто себе и представить не мог, что в этой деловой кутерьме, в этой круговерти, при такой бешеной нагрузке она еще и может с кем-то встречаться.

Для него ее встречи с другими мужчинами были тайной, да он считал, что такое вообще невозможно при ее немыслимой загруженности, тем более, что ночью, с ним, она была пылкой и требовательной, возбуждающе ненасытной. В тот период он был очарован ею, впрочем, и до сих пор флер ее очарования по-прежнему пьянил его.

Он ведь появился у Милы, когда ее фирма еще активно росла, еще было мало помещений, и поначалу он с Милой и еще двумя секретаршами находился в одной комнате, довольно большой, но все же – в одном помещении. И, будучи все время рядом, видел, как много и интенсивно она работает.

И ее отъезды из офиса совсем не вызывали не только подозрений, а даже и намеков на них. Он видел, слышал, как она назначала время, когда клиент заедет за ней; позже, имея уже машину, она и сама говорила, что заедет за клиентом, или когда и у кого будет, но когда она заканчивала работу, когда и сколько времени тратила на себя лично, этого никто и знать не мог.

Тем более что Мила ему сразу сказала: «Да, я так работаю.

Вокруг меня куча народа, и со всеми мне надо выстраивать отношения. Причем по большей части весь этот народ мне неинтересен и неприятен, но что делать, надо зарабатывать деньги».

Надо сказать, что ни с одним, с кем Мила сталкивалась по работе, она не была близка. Опять-таки не без исключений. Было единственное исключение – это Вадим. Но в это время она с ним по работе уже почти и не пересекалась, были назначены люди, ведущие его дела, а все договора, отчеты она получала и передавала ему через секретарш. При этом свое дневное желание она старалась, по большей части, заглушать не им, а Мужем.

Очевидно, еще и потому, что они теперь работали вместе, и отвлечься от дел с ним, своим сотрудником, полностью совсем не получалось, тем более в рабочее время. А с Вадимом, или другими «парнями», она отключалась от дел, и эти моменты отдохновения для нее были также важны в кутерьме дел, как важным было и успокоение возбужденного тела.

Действительно, тогда ее свидания с мужчинами были очень кратки, она и это делала так же быстро и делово, как и все другое. Это сейчас, уже при отлаженной организации, обросшая замами, секретарями и помощниками, она могла себе позволить тратить на «радости» больше времени. Не спеша сидеть в ресторане, не торопясь бродить по улицам и магазинам, размеренно и лениво получать удовольствие.

Уже ввечеру снова зазвонил Петечка. Мила была одна и могла поболтать. Впрочем, поболтать, это громко сказано, говорила в основном она, стараясь тут же закончить начавшийся разговор. Когда они виделись, его хватало только на то, чтобы сказать «здравствуй, Милочка» и выдать какое-нибудь четверостишие, вроде: «В залы пасмурные станций забреду, дрожа, коль не сгонят оборванца с криком сторожа» (*Н. Гумилев*).

Выплеснув приготовленные строки, он замолкал и только смотрел на нее, краснея, как девочка, от нескромных мыслей, да собственно краснея, как мальчик, от мыслей не менее нескромных.

Встречаясь с ней, он терял свою общительность и раскованность. Наверное, он ее смущался, но почему она, именно она вызывала в нем нескромные мысли? И почему именно к ней он приходит краснеть?

Собственно, он так же слегка смущал ее, так же при его виде или только мысли о нем ее заливала краска желаний. Причем желаний совсем не таких, какие были у нее, когда она звонила Вадиму. Впрочем, сравнительным анализом Мила не занималась. Просто чувствовала себя по-другому, вспоминая о Пете.

Ее тело пока еще неявственно терзало ее при этом, скорее, она получала удовольствие от жара, поднимавшегося изнутри, когда она глядела на Петю или говорила с ним, при этом

совершенно не фиксируя, не связывая этот жар, это новое возбуждение с Петей.

Но Мила пока еще не осознавала желания или же не хотела себе признаться. Мила просто наблюдала за Петей, как за щенком, гоняющимся вслед за листиком, переносимым ветром: что же будет дальше, что будет продолжением их молчаливых встреч, их молчаливых разговоров?

Наблюдала не без ощущения некоторой приятности и от его вида, симпатичного и молоденького, и от волны краски, вызываемой им, и от приятного напряжения груди при звуке его голоса. Пока Мила не могла или только не хотела отвечать себе на вопрос почему, что же это такое? Она даже не хотела задавать себе такие вопросы.

Мила с ним говорила, как и со всеми остальными, спокойно, быстро и уверенно, ничуть не меняя внешней манеры разговора. Но в разговоре с Петей внутри холодела, замирала и вспыхивала. Она физически ощущала и его слова и его молчание. Вот и сейчас: Здравствуй, Милочка! «Знаю я, что ты, малютка, лунной ночью не робка: я на снеге вижу утром легкий оттиск башмачка...» (А. Фет).

- Петечка, что ты хочешь?
- Я зайду?
- Зачем?
- Просто повидаться...

– Слушай, я сегодня занята, нет времени, звони завтра, пока, целую.

Обычные слова, обычный разговор, но как сладко было отвечать ему.

Появился Петечка недавно. Он просто зашел за своей мамой и, сидя в кафе, ждал, когда она закончит свои дела. В это время в кафе спустилась и Мила. Петя не знал, что это хозяйка фирмы, хозяйка кафе.

У нее странным образом даже личная жизнь была неразрывно связана с работой: и нынешний Муж, и давний друг Вадим, а вот теперь и вторжение нового, неизведанного. А Мила заскочила перекусить. Села за столик, закурила, заказала кофе и еще что-то. И он подошел к ее столику.

– Можно?

– Да, пожалуйста.

Простые, ничего не значащие слова. Мальчик, совсем мальчик. Ничего не шелохнулось.

Как устанавливается контакт? Никто не знает. Говорят про симпатию, антипатию, запахи, ауру.

Сел и просто смотрит. Милу невозможно заморозить, она сама заморозит, загипнотизирует, кого хочешь. А тут светло колени. Что такое? Это ведь совсем ребенок! Но омут в его голубых глазах, они замораживающе бездонны.

Внешне ничего не произошло, она пила свой кофе, курила, оглядывая зал. Он молчал. На удивление, молчала и Мила. Впервые молчать ей было легко и как-то удивительно сладко.

Подошла его мать. Поздоровалась с Милой.

– Давно ждешь, Петя?

– Да нет. Только подошел.

Мила знала ее. Примерно они ровесницы. Фирма ведет ее дела уже более года. А вот ее сына она видит впервые.

– Вы познакомились?

– Нет, не успели.

– Это мой сын Петр.

– А это Людмила И..., хозяйка аудиторской фирмы.

Милу даже покорежило. Она просто ненавидела, когда ее называли полным именем.

– Enchante. Ravi de faire ta connaissance. (*Рад познакомиться.*)

– И мне приятно, Петр.

– Не обращайтесь внимания, Петя любит придуриваться.

Ну, пойдем, Петя, до свидания.

– А bientôt. (*До скорой встречи.*)

– До свидания, je ne crois pas que tu betifies, Pierre, à bientôt. (*Я не думаю, что ты придуриваешься, Петр, пока.*)

Так они познакомились.

6

А осознала Мила это знакомство только через определенный и достаточно длительный промежуток времени. Со временем Мила начала ощущать какое-то беспокойство, тревогу. И начала анализировать, что же случилось. И в делах и в семье не было никаких не только катаклизмов, но даже повода для их появления.

Ответ появился сам собой. Почему-то Мила взяла список клиентов и стала его просматривать. Этого Мила уже давно не делала, перестав следить за оперативной работой фирмы. Вытащила из компьютера график работы с фирмой матери Пети и также стала его разглядывать.

Бессознательно нашла день, когда она встретила Петю, и механически стала смотреть возможную периодичность посещения их фирмы его матерью. И лишь тогда до нее дошло, что она не просто просматривала график работы и список клиентов, а, глядя туда, искала и нашла и Петю, и вероятное время его нового появления.

Мила поняла, что она ищет день, когда мать Пети придет к ним, когда в кафе она, вероятно, увидит и Петю. Осознав это, Мила даже испугалась.

Так не бывает. Все это время с момента их встречи Мила периодически встречала Петю в кафе и даже стала относиться к его присутствию как к части интерьера. Да, они обме-

нивались словами, ничего не значащими:

– Salut. – Salut. – Comment ça va? – Merci bien. (*Привет – привет. Как дела – хорошо*). – Но и ничего более, только взгляды, еще не жадные, но уже ждущие и поглощающе-ласковые.

Она пока еще никак не отвечала на его взгляды, только проваливалась в голубизну его глаз с головой, с замирающим холодком и перехватывающим дыханием, и совсем не признаваясь пока себе в этом, уже обволакивала в эти мгновения его тающей темнотой своих глаз.

Петя с самого начала был с ней на «ты». По всей привычке своей жизни, она настолько сроднилась с демократичным «ты», что порой уже и не замечала, не обращала внимания на его простоту.

Для нее «ты» было средством быстрее достижения результата, а совсем не панибратских отношений. Ей казалось, что, говоря «вы», она отодвигается бесконечно далеко от цели, конечно же, тупо не избегая «вы» там, где это было целесообразно и необходимо.

И, однако же, более уверенно чувствовала себя в области стремительных «ты» отношений. А фамильярность «ты» с ней была невозможна, Мила неосознанно для себя, но четко и ясно для всех дистанцировалась неуловимым флером неприступности.

Милу не смущало его «ты», если ему так удобно, то ей-то еще удобнее и достаточно все равно, считая его частью мебели, а совсем не мужчиной. И Петя никак не идентифицировался у Милы с возникшим ощущением беспокойства. Так у нее не разу не было.

Все мужчины Милы были в том же отношении с ее чувствами, что и еда, питье, кофе, мороженое, сигареты. Нужны, полезны, утилитарны, да, удовольствие тоже, но и только.

Да, с первым Мужем был загул, но это было падение в пропасть юности, это был шаг за край детства, и в этом падении рядом с ней оказался ее первый Муж. Только так смотрела сегодня Мила на свою первую влюбленность, при этом четко понимая, что больше такого с ней не произойдет. Позже все мужчины для нее были только объектами. Объектами более или менее интересными.

Полезными с одной, или с другой стороны, или с третьей. В том числе, и со стороны постели. Но только полезными. После первого Мужа голова у Милы более никогда не кружилась.

Мила в этот момент поняла, что все время с их знакомства она ждет его появления. Что Пети не хватает не столько в интерьере кафе, сколько в ее интерьере.

Петя каким-то образом оказался внутри нее. И мысли о нем (Мила только сейчас осознала, что все время думает о

Пете) приятно волновали ее, создавая гармонию внутри нее.

Когда она видела Петю, ей самой было смешно, что она серьезно перебрасывается фразами с этим щеночком, с этим ребеночком. И ей казалось, что она замечает его, общается с ним ровно столько же, как с машиной, на которой она ездит. А тут вдруг поняла, что думает о Пете. И думает об этом щеночке, об этом ребеночке, как о мужчине.

Мила всегда была убеждена, что мысли, слова, взгляды постоянно вокруг нас. Только каждый из нас по-своему ловит целиком или только обрывки, часть этих мыслей, взглядов, слов, или не ловит их вовсе. Поэтому, когда она хотела что-либо сохранить в тайне, она старалась не называть это словом, не смотреть на это, а если смотреть, то не видеть, не думать об этом, а если думать, то пользуясь другими образами.

Так и теперь, поняв, что она думает о Пете, что не может о нем не думать, Мила зашифровала его в своих мыслях другим словом, другим образом, услышь которое кто-либо, никак не смог бы связать его с Петей.

День заканчивался. Кафе опустело. По времени суток вернее было сказать, что ночь уже началась.

Села в машину. По пустым улицам быстро домчались до дома.

Ужин. Поцелуи с детьми на ночь. Старший сын еще на

вечеринке с институтскими друзьями. У него скоро уже выпуск.

Все легли спать.

В нынешней отлаженной, спокойной жизни Милы произошло событие. Появилась трещина, не поддающаяся рассудочным действиям. Появилось состояние, схожее с ее первой влюбленностью. Схожее по окрасу, по вкусу, по ожиданию. Ожиданию теперь уже известных чувственных наслаждений, но по прежнему очаровывающих своей еще не свершенностью.

Тогда все это было эволюционно естественным и, наверное, поэтому неосознанным, неосознанным и проглоченным «недораспробованным». А сейчас Мила его чувствовала, видела, анализировала. Анализировала, и удивлялась, и пугалась. Удивлялась, что такое с ней приключилось.

Если раньше физическая близость с мужчиной, удовольствие от нее обваливалось лавиной, а теперь от каждого своего действия и от каждого действия мужчины она знала, что должна получить, и как это «выглядит» в ощущениях, если теперь все удовольствия от мужчины были рассудочно ожидаемы, то появление Пети внесло сумбур, смешало рассудочную жизнь Милы.

Мила всегда была лидером. Лидером везде. И если она и

делала комплименты мужчинам, то всегда внутренне усмехалась. Просто она добивалась своих целей, используя слабости других.

Даже удивительно, как мужчины легко покупались на общение о том, что они умны! Мила всегда доверялась своей голове, доверялась, надо сказать, вполне обоснованно. И вот эта голова отказывается переварить то новое, что возникло внутри Милы. Это новое само по себе чувство еще и ощутимо связывалось со всеми действиями и поступками Милы.

Мысли, или наблюдение за их течением, не давали спать. Мила разбудила Мужа. По-деловому, старательно «заводи-ла» его и стала добиваться удовлетворения, стараясь погасить бурлящие мысли, настырно мучавшие ее.

Такие ночные, да нередко и дневные, наскоки Милы на Мужа были достаточно частым и обыденным явлением их жизни. Но с момента встречи Милы с Петей в них стал появляться какой-то другой, более чувственный оттенок, более сладострастный окрас.

Направляя руки, губы Мужа, ощущая его в своих руках, в своем теле, она стала более требовательна, более яростна, более ненасытна. И Муж это заметил. «Я стал больше уставать», – уже не однажды сказал он. А Мила, осознав, что это связано с Петей, уже реально отдавая себе отчет, представляла его вместо Мужа и оттого затягивала, доводя до безумства, весь процесс, упиваясь вновь открывшимися возмож-

ностями наслаждения.

Наконец и Мила истощила, опустошила себя. Муж тут же бревном заснул, а она еще лежала, ощущая сладкое послевкусие его, не Мужа, прикосновений.

Он опять подошел к ней в кафе. Привычно-обычное место их встреч.

– Привет Петя, как твоя учеба?

– «Зацвела на воле в поле бирюза. Да не смотрят в душу милые глаза» (*Ив. Бунин*).

Петя спокойно болтал об учебе, о группе, о предметах, зачетах, преподавателях, просто трепался. А Мила с удивлением, непривычно для себя молчала, и молчала легко.

Всегда лидируя, Мила и с мужчинами также была ведущей. А сейчас она ошарашено наблюдала, как отдает лидерство этому ребенку, как она, уверенная и жесткая со всеми мужчинами, быть может, впервые, почувствовала, или захотела почувствовать себя слабой девочкой. И это рядом с этим ребенком.

Мила слушала Петю, снисходительно улыбаясь, поддакивая, прихлебывая кофе. А сама думала: «Мальчик, ты и не знаешь, что я сегодня ночью с тобой делала. А может, знаешь? А что ты делал со мной, помнишь? Mon Dieu! Как это было сладко, помнишь?» Интересно, а сколько девочек у него было? Милу раздражало, что у Пети могли быть девочки, что почему-то он мог спать с ними, а не с ней.

Петя говорил, а Мила смотрела на него. «Вот этим пальчиком он мог бы сделать... Эти губы могли бы...» Мила растягивала на нем пуговицы, снимала с него рубашку и все, все, все...

Нет, она не была в беспамятстве. Мила вполне осознанно изнывала под его взглядом, от звука его голоса, оттого, что он рядом. Узнав то, что он внутри ее, то, что он тревожит ее, она поняла, что раз Петя «поселился» в ней, то его уже просто так не выгонишь, а если и выгонишь, так только тем, чтобы его вовсе больше никогда не видеть.

Но для этого надо делать какие-то усилия, как-то менять ритм жизни, организовывать поступки, ну хотя бы свои заходы в свое же кафе, а вдруг Он там?! И впервые Миле стало тяжело произвести действие. Да, собственно, она поняла, что и не хочет отменять, изгонять новые ощущения – Петю.

Причем, опять-таки Мила «раздевала» Петю совсем не так, как она привыкла это делать, как она делала это раньше, когда спешила, с другими мужчинами, с Вадимом, с Мужем. Там она делово и целенаправленно добивалась того, что хотело ее тело, что было физически необходимо именно в этот момент. А здесь она даже сама не знала, что она хочет, что должно следовать за ее «раздеванием» Пети, просто эти действия сами собой напрашивались.

Сами одежды, покрывавшие его, само расстояние, на ко-

тором он от нее находился, говорили: сними нас, приблизься. Здесь доминантой звучало обнажение, пока только оно. И от этой музыки обнажения у нее и кружилась голова. И пока обнажение было только его, себя она еще «сохраняла» в неприкосновенности, хотя и чувствовала (не осознавала, но предощущала), какое это зыбкое неприкосновение.

Но и его обнажение было отличным от просто раздевания, то, что она обнажала Петю, разительно отличалось от раздевания других мужчин, она, обнажая Петю, присваивала его в глубине своей груди, там, где начинались и взлет и падение. И в этом взлете-падении покоилось пока ее хрупкое неприкосновение, теперь уже ждущее, что его нарушат, что его сломают.

Мила слушала Петю и, слушая, млела. Внешне этого не было видно. Сидела женщина, очень моложавая, с каким-то невидящим взглядом, сидел и что-то говорил юноша, почти мальчик. Она рассеянно его слушает, почти не глядя на него, и кажется более увлеченной своей сигаретой и кофе.

Он что-то говорит, слегка жестикулируя. Но как жадно ловила она его слова. И даже не смысл их. Его слова слышали ее уши, а значит, его слова слышали также и ее грудь, ее живот, ее спина, ее руки....

Вся она купалась в его словах. Они омывали, сладко обволакивали каждую ее точку. Его слова легко проникали в самые потаенные места ее тела, заставляя их трепетать в

изумлении наслаждения.

Она могла пребывать в этом состоянии бесконечно. Звуки его голоса, его жесты, взгляды окунали ее в безвременность чувства, в бесконечность искушения, в изнемогающее предчувствие удовольствия. И только усилием воли ломая проснувшееся в ней, произносила, прерывая все свое запойное, томящееся: «Ладно, Петя, мне пора работать. Пока».

– A bientôt. A demain. *(До скорой встречи. До завтра.)*

– Tu que, demain viendras de nouveau? *(Ты что, завтра опять придешь?)*

– Bien sûr. *(Конечно.)*

– Écoute, mais comment t'as le temps d'apprendre, si tu es ici tout le temps? *(Слушай, а когда ты успеваешь учиться, если все время сидишь здесь?)*

– J'arrive quand-même. *(Да как-то успеваю.)*

И в этот день все у Милы получалось как надо. Голова ее по-прежнему четко соображала. Мила также активно и чуть сухо вела дела, но часть ее головы продолжала обсасывать, обдумывать все мгновения всех ее встреч с Петей. Встреч пока еще недолгих, но таких бесконечно головокружительных в их продолжении уже после того, как он уходил.

Продолжительных в ней самой, бесконечных в своем переосмысливании, когда каждое мгновение она вспоминала и перетирала тысячу раз, когда и этого было мало, когда каждое мгновение рождало новое невысказанное продолжение, которого она еще не знала, но уже чувствовала, что это узнавание принесет и неожиданное, и подпорченное ожидаемое, и удовольствие, и горечь.

Чувствовала, еще ничего не зная, не зная продолжения и пока не желая знать его. А что Мила знала, просто была уверена, так это то, что сегодня у ее Мужа опять будет трудная, тяжелая ночь с ней.

Их случайные, преднамеренно-ненамеренные встречи продолжались. Время шло. Мила по-прежнему внешне не проявляла никакого внимания к Пете. И даже мать Пети не замечала ничего предосудительного в их отношениях, вернее, даже не в отношениях (их вовсе не было внешне), а в

их знакомстве.

Просто периодически они сталкивались в кафе. Мила там была также и по роду своей работы, а Петя, Петя поджидал там свою мать, даже если его матери и не было там вовсе. Все. Больше они нигде не встречались.

За столиком Милы почти всегда оказывались разнообразные люди. Тогда Петя садился за соседний столик и пересаживался к Миле, как только она освобождалась. По-прежнему Петя вызывал в Миле волну желаний, даже его молчание, просто его присутствие будоражили, будили чувства, а когда еще звучал его голос, то становилось совсем невмоготу.

«О эти встречи мимолетные на гулких улицах столиц, о эти взоры безотчетные, беседа беглая ресниц» (*В. Брюсов*) бередили ее чувственность. И эта волна от его появления уже стала неотъемлемой ее потребностью, и когда она не видела Петю, когда не было этой волны, тревога поселялась в ней, нехорошая тревога разочарований. Она внутренне суровела, черствела, пропадала.

Несколько раз Мила пыталась рассудочной частью своего сознания разобраться в возникшей ситуации. Но и из рассудочной части слышался предательский голосок: «ты получаешь от этого удовольствие, ты этим наслаждаешься, тебе это ничем не грозит, так зачем тебе с этим разбираться? Чтобы поломать, порушить все это? Зачем?». И Мила отмахнулась от затеи трезво все обдумать и расставить все на рассудоч-

ные места.

Она впервые отдалась во власть чувств. Впервые она стала мечтательной. Впервые позволила событиям развиваться так, как они развиваются без ее активного вмешательства.

Нет, во всем, что было ранее, все оставалось на прежних местах и позициях. И Мила была все такой же. Но внутри у нее появился островок. Чувственный островок, который стал расцветать обилием красок.

Петя для нее стал наркотиком. Он поливал живительным дождем мечтаний ее чувственность. И обратная связь рождала еще более пылкие и смелые мечтания. Ее ночи становились горячее, более яркими, страстными, если она окуналась в свои мечтания, связанные с Петей.

Но ежели она долго не видела Петю, эти мечтания начинали тускнеть, и ее чувственность притуплялась. Муж Милы на это обычно говорил: «Слава Богу, сегодня ты снова была обычной хорошей девочкой». А Миле становилось тошно от потери той волны ощущений, удовольствия, которые заставляли ее стонать в изнеможении, выжав все возможное из Мужа.

Муж Милы, при всей, казалось бы, странности своего семейного положения, вполне сжился со своей ролью отца ее детей и вполне комфортно чувствовал себя «отцом семейства», не замечая, да и не имея возможности заметить, кто же здесь по настоящему «отец».

Наверное, еще и потому, что и его жена – Мила, и ее дети, и работа у нее – все это пришло к нему одновременно. И в чем Мила была молодец, умна – она очень по-доброму, очень близко приняла его друзей. И любой намек на возможность встречи с друзьями Мужа, даже еще не намек, а всего лишь его предвестие, было для нее непреложным законом – надо встречаться.

У ее Мужа продолжался, по степени общения с друзьями, период юности, когда не существует препятствий, чтобы встретиться спонтанно, внезапно, в любое время, если у кого-то есть интерес.

Мила праздновала с друзьями Мужа все праздники, которые они обычно отмечали, да и просто так, про себя она решила, что, по крайней мере, хоть раз в неделю или они должны быть у кого-либо из его друзей, или те должны быть у них, хоть все вместе и сразу. Что для Милы было совсем не трудно и даже привычно, с детства она это видела у своих

родителей.

И друзья Мужа приняли ее, приняли с первого же мгновения за свою. А дальше, дальше, наверное, они уже и голову включали: все мы потихоньку взрослеем, и не только потому, что ее Муж был их друг, но, очевидно, и потому, что Мила была очень ценным товарищем в области связей и знакомств.

А жизнь всех так или иначе сталкивала постоянно с большими или маленькими проблемами. А решение проблем – это, по сути, и было призвание Милы, и никогда она от этого не отказывалась, тем более, если это были друзья ее Мужа.

И Мила, привычная с детства, к обилию народа за столом, в общем-то любила эти шумные сборища. Любила застолье, «карнавалы» – как она говорила, особенно когда все собирались у нее на даче, когда все были вместе, и в тоже время каждый мог быть наедине с самим собой, никого не обременяя, никому не мешая.

Ее энергии и ума вполне хватало быть самой молодой из всех присутствующих. Она любила, когда в пятницу вечером шумное и радостно-бестолковое собрание, вырвавшееся из городской сутолоки и забот, начинало крутиться у нее на даче.

И лишь ранним утром понедельника все уезжали в город, слегка смущенные своими воспоминаниями о веселой дач-

ной раскрепощенности, недоумевая, почему такое прекрасное время уже закончилось.

И для ее Мужа комфорт пребывания рядом с ней только возрастал. У него уже было все, за что остальные еще только боролись: и хорошая работа, и семья, и руководящая должность, и дети, и достаточно большие деньги, и жена. Вот так, смешиваясь, накладываясь одно на другое, происходило замыливание того, что дети-то вовсе не его, вроде бы не его, вроде бы его, его....

И еще, с первого момента, как он произнес слова о свадьбе, Мила сказала: «Ты свободен, свободен всегда, в любой момент ты можешь уйти». И достаточно часто произносила их ему, лишь только появлялось преддверие ссоры. И эта ее декларация более всего укрепляла его в том, что он все правильно сделал и делает, что это его Мила, его семья, его....

Примерно год продолжались такие встречи. Петя читал ей стихи и что-то рассказывал из своей, в общем-то, еще ребячьей жизни, всегда ограниченный временем, потому что Мила по-деловому сжимала свое пребывание рядом с ним.

Ей же хватало и минуты встречи (не свидания, этот термин никак еще не вписывался в их отношения), встречи для внутренней подзарядки ощущений. А когда он выдавал стихи, ее деловая и прагматичная головка непроизвольно проносила, что он сошел с ума.

Мила никогда не находила удовольствия в стихах, – обладая техническим складом ума, она и в прозе получала удовольствие только от сюжета, от результата действия, но никак не от мастерства составленных фраз или богатства слов.

Да, конечно, в школе она, как и все, была на уроках литературы и очень добросовестно учила «Буря мглою небо кроет...» (А. Пушкин), но никогда ни одна строчка ничего не задевала внутри нее. Сейчас же как-то стали появляться какие-то приятные ощущения от ритма, от слов, от течения мелодии стиха.

Петя выдавал: «Дверь полуоткрыта, липы веют сладко, на столе забыты хлыстик и перчатка...» (А. Ахматова), или «Мне и доньне хочется грызть жаркой рябины горькую

кисть» (*М. Цветаева*), или «Я помню вечер, бледно скромный, цветы усталых георгинов, и детский взор, – он мне напомнил глаза египетских богинь» (*В. Брюсов*).

И внутри у Милы начинала звучать струна. Ритмично повторяя «глаза египетских богинь», Мила с удивлением прислушивалась к себе. Такого она от себя не ожидала. Это было ново и неожиданно.

Теперь Мила наблюдала за собой так, как будто она была беременна. Но эта «беременность» совсем не влекла за собой телесных изменений. Наряду с по-новому пробудившейся чувственностью теперь Мила с удовольствием повторяла услышанные строки: «Осень в кучи листья собирает и кружит, кружит по одному...» (*М. Светлов*), – то, что в этот день услышала от Пети.

Она стала по-новому смотреть на фразы, на речь людей. Если раньше ее голова безжалостно делила услышанное, что Мила всегда воспринимала как информацию, на «полезное» и «бесполезное», то теперь она стала разглядывать и слова, которые передавали «информацию», и фразы, их изысканность или наоборот простоту и незатейливость.

В ней поселилась доселе неизведанная мечтательность, и, чтобы вернуться к делам, Мила теперь «переключала» себя в «деловой режим». Во всяком случае, так она формулировала свои незаметные скатывания в чувствительную мечтательность и «щелчком выключателя» возвращение к обыч-

ному, нормальному, как ей казалось, существованию.

Была ли она довольна случившимися переменами? И да, и нет. Новый уровень сексуальной чувственности ей нравился, это были уже давно хорошо известные приятные ощущения, ставшие теперь еще «вкуснее». Открывшаяся чувственность к словам, откуда-то появившаяся мечтательность – озадачивали, но пока не мешали ни ее жизни, ни течению ее дел, а значит, от них можно было и не избавляться.

Мила часто раздумывала над тем, что же Петя нашел в ней, что влечет его к ней. На то, что он влюбился, это было не похоже. Мила хорошо помнила свою влюбленность в первого Мужа, когда не хватало не только минут, но и часов, и дней, чтобы побыть рядом с ним. Когда каждый миг был бесконечен, а дни, недели исчезали мгновениями.

И это Петино ненавязчивое общение никак не вязалось в ее голове с назойливой настойчивостью влюбленности. Что же? Почему он ходит? Почему ищет общения с ней? Может она просто объект его экспериментов?

Невольно возникавшие вопросы также невольно вызывали и сравнения. И Мила сравнивала отношение и поведение Пети с Вадимом, с Мужем. С Мужем теперешним.

Все бывшие Мужья, так же как и первый, были в прошлом, были вычеркнуты из ее жизни, а стало быть, и стерты из ее памяти. А нынешних «друзей» в амплуа Вадима она и вовсе не рассматривала как объекты сравнения, это был

для нее разовый материал, сменяемый или выбрасываемый по мере использования.

И вот Муж – всегда подчеркнута внимателен, всегда отточено вежлив. Мила сейчас не касалась вопроса отношения Мужа с ее детьми (кстати, он их называл своими), и обращение Милы к родителям Мужа: «Ваши внуки скучают без Вас» – поначалу (а Мила так говорила с момента регистрации брака) коробило их, но уже и они привыкли, что это их внуки, сейчас Мила сравнивала Мужа и Петю.

Муж особенно корректен, до дурноты, на людях, хотя и дома никогда не допускал даже намека на нелицеприятное высказывание. И все же от него никогда не исходила волна сладости, волна томления. А раньше-то Мила и не осознавала и не подозревала существование таких волн.

До Пети у нее был только один умопомрачительный период – с первым Мужем. Но он был каким-то стремительным, не распробованным и уже забытым, забытым и в том числе оттого, что был связан с первым Мужем, канувшим для нее в небытие. А теперь от Пети каждый день что-то новое в палитре красок, в палитре ожиданий.

Муж нес на себе ощущение стабильности, не уверенности (уверенности и гарантии было в самой Миле в избытке), а только порядочности и стабильности. И, отдавая себе отчет, но не признаваясь себе в этом, было ясно, что это замужество Милы было браком по расчету. Расчету по факту его заключения, расчету по работе фирмы, по удобоваримости жития.

Муж органично влился во все стороны ее существования и значительно полезен в ее существенной стороне – работе, что и альтернативы ему не было. Все же, что касалось лично-го, то для Мужа Мила была с этой стороны закрыта наглухо. Он воспринимал с самого начала и продолжал это делать и сейчас, что работа, дом, он, дети, день, ночь – это все жизнь Милы, не подозревая, что после запятых следуют пробелы, что день, размытый делами, растягивается и во времени, обнаруживая зияющие пустоты пространства.

А в этих зияющих пустотах у Милы был и Вадим, и «друзья», и целая другая жизнь. Которые, в свою очередь, ею тщательно отсекалась от всего, что не было с ней, с ними непосредственно связано.

И эти «другие», и Вадим тоже никак не влияли ни на ее голову, ни на то, что все называют «сердцем». С ними она просто расслаблялась, отвлекалась, умиротворяла зуд и вождение. И, сидя с ними в ресторане, или бродя по улицам, магазинам, она с ними не общалась, она не к ним обращалась, она не с ними разговаривала. Она просто отдыхала. Отдыхала, отвлекалась от дел, забот, отдыхала с тем, что может слушать и отвечать, воспринимать и отзываться, а главное, потакать ей.

Петя же был необычен. Для нее и не мужчина, и не бесполоый. Не вызывающий никаких желаний, а лишь смущение.

А лишь неопределенно манящий неясностью.

Эта неясность была расплывчата и туманна, как расплывчато и туманно для стоящего на краю высотного дома или пропасти все, что происходит внизу. Расплывчато и туманно, но интересно и чарующе завлекательно.

От всего этого, от Пети, начинала кружиться голова. А таких ощущений у Милы никогда не было, такое у нее никак не идентифицировалось с мужчинами. Поэтому и Петя у нее не идентифицировался как мужчина. Он вообще не подлежал идентификации.

Это все было новое, неожиданное, свежее, пугающее своей неизведанностью. Но пугающее совсем не страшно, а пугающее захватыванием духа, летящего на качелях вниз, манящим омутом небытия, и имя этому было Петя.

Она выглядит ничуть не хуже его ровесниц, а в некотором смысле и лучше. Но в то же время она зрелая женщина, уже знающая все секреты общения с мужчинами.

Здесь Мила усмехалась, если б знал Петя про все ее «знания»! А потому, рассуждала Мила, ему легче разговаривать со мной, чем со своей сверстницей. На мне он оттачивает свою речь, на мне он проверяет реакцию на свои намеки, двусмысленности, удостоверяясь, прилично ли будет их употреблять в разговорах с другими девушками.

И потом я совсем чужой, посторонний человек ему, никак не обязанный ему и никак от него не зависящий. И он

болтает со мной, как мы болтаем с парикмахером и с маникюршей.

Единственно, что я – женщина, а он мужчина. Хотя, вернее, ребенок мужского рода. Он просто на мне пробует свои первые шаги общения уже как мужчина. Он не может быть изощрен, он не может сознательно разыгрывать такую сложную и страшную партию.

Просто с первого взгляда он ощутил легкость обращения со мной. Легкость в том, что можно не смущаясь, не стесняясь своего смущения, глядеть и разглядывать, говорить и прислушиваться к сказанному.

От таких выводов было слегка горько, что он не влюбился в нее. В тоже время было и легко. Если б он в нее влюбился, то тогда повис бы грузом на ее шее, она уже от этого была бы зависима от него. Это уже была бы пусть не вещественная, не осязаемая, но связь. А связи влекут за собой обязанности.

Но пока ни он ей, ни она ему не были ни чем обязаны. Она и сама, уже формулируя его приходы, связывая это со словом «влюбился», с или без частицы «не», для себя еще не примеряла это слово, хотя, наверное, именно к ней бы и следовало его употребить прежде всего.

Петя для нее был катализатором ее чувственности. Не более, хотя и не менее. Своим присутствием, своими словами, своим существованием он стимулировал ее чувственность.

И Милу это положение устраивало, ей нравился новый уровень ощущений в постели.

Ей нравилось, что при виде Пети, даже только при мысли о нем у нее немели колени, твердела грудь, прилиwała краска к лицу. И это тоже было удовольствием. Мила наслаждалась и этим тоже.

А продолжения она не хотела и не думала о продолжении, о создании и развитии отношений с Петей. Миле вполне хватало два-три раза в неделю видеть его. Этого было достаточно, чтобы поддерживать тот новый уровень чувственных удовольствий, загоревшихся новыми красками, появившихся с появлением Пети. Пока.

Итак, эти встречи, эти ощущения, – все это продолжалось уже около года. И уже вошли в рутинный, привычный кругооборот жизни Милы. И эта уже привычка начала сглаживать остроту ощущений, что, казалось, никогда не прекратятся, и их разнообразие, чудилось, будет бесконечно.

А сегодняшние мысли появились или сформулировались, наверное, из-за нарушения ритма этих встреч. Как-то незаметно Петя стал появляться в кафе не два-три раза в неделю, а лишь раз. А затем и вовсе исчез почти на месяц.

Вот тогда-то все внутренние ощущения и сформулировались в оформленную мысль, что причина им – Петя. И Мила ощутила тревогу. Тревогу опасения потерять приобретенное «сладкое». У нее стали погасать краски чувственности, стала меркнуть яркость ощущений, откуда-то начала вылезать неудовлетворенность.

Неудовлетворенность чем? А кто его знает? Неудовлетворенность и все. Мила затревожилась. Поняв, что все это связано с Петей, захотела, чтобы он опять стал появляться в ее кафе. И, когда после месяца отсутствия, он появился в кафе, присел за ее столик, то вместо привычного «Salut» в ответ на его «Salut», Мила произвольно выдала: «Où-étais tu? Je t'attendais». (*Где ты был? Я тебя ждала.*)

– Pourquoi attendais seulement? Maintenant tu ne m'attends

plus? (*Почему только ждала? Теперь ты меня не ждешь?*)

– Mais maintenant tu es assis pres de moi. (*Но теперь ты сидишь рядом со мной.*)

– Et c'est assez? *Qua* te suffit? Tout cela? (*И это все? Этого достаточно?*)

– Non, mais c'est agreable. (*Нет, но это приятно.*)

А Петя совсем не намеренно исчез из ее поля зрения так надолго. Действительно, он совсем не преследовал какой-либо конкретной цели, появляясь у Милы, как не было никакой конкретной цели, когда он с ней познакомился.

Просто ждал свою мать. Просто увидел свободный столик, не совсем свободный, а свободный вместе с женщиной. И что-то ему подсказало, что она презрительно не отвернется от него, не скажет ему уничтожающе – утри сопли, мальчик, а миролюбиво посмотрит на него.

И ее привычно-безразличный взгляд, привычно-безразличное отношение он уже воспринял как победу, победу, возможно, в первую очередь над самим собой. Поэтому у него и хватило смелости и присесть за ее столик, и нагло молчать, и глядеть ей вызывающе в глаза.

И, совсем осмелев, когда подошла мать, начать говорить с ней по-французски, совсем не надеясь, что ему будут отвечать, просто неожиданная смелость негаданно заставила вести себя так, как он и не мечтал, и из него полезли, как тесто из кастрюли, и слова, и жесты, и поступки.

И наглость его первых минут общения с Милой, не полу-

чившая отпора, устыдилась, став смелостью и отвагой. Отвагой общения уже с женщиной, до сих пор у него этого не получалось, хотя он и не стремился это сделать.

До сих пор весь опыт его общения с женщинами составляли лишь его одноклассницы да теперь сокурсницы. Вроде бы и не робкий, не ущербный, он поразительно был неловок, неумел в общении с девчонками. Никогда первый не мог начать разговора, а уж чтобы подойти и познакомиться с кем либо из девочек, об этом и не могло идти речи.

Причем это явственно проявлялось только тогда, когда он был один. Стоило рядом с ним быть любому из известных ему людей, как стиль его поведения разительно менялся. Появлялись и уверенность, и нужные слова, и даже некоторая наглость, он становился просто речистым, – то, чего он на чисто был лишен, когда был один.

И вполне возможно, что именно мать, ее ожидание, хотя ее еще не было рядом (но он ведь ждал ее, ведь она была близко), и придала ему смелость и позволила подойти и усесться за столик Милы. А потом и заговорить с ней. А, заговорив, он попал, он-то сам этого не понял, и может быть, не понимал и до сих пор, но он попал в завлекательное общение, когда можно продумывать и придумывать, и все это говорить, и все это продельывать.

С ровесницами ему было не то чтобы скучно, не то что-

бы не интересно, но как-то не совсем увлекательно. Вполне ожидаемые и известные ему ответы и поступки тех девчонок, которых он знал, да и достаточная простота отношений между ними, их доступность, не то чтобы коробила его, но уже поднадоела. Естественно он этого не осознавал, просто, оказывается, искал чего-то другого. Искал, и вот нашел.

Нашел неожиданно и все также неосознанно. Просто ему было комфортно сидеть рядом с этой женщиной, которая не смеялась над ним, даже позыва, что она над ним измывается, не было, комфортно было смотреть и слушать, как она разговаривает с людьми, решает какие-то дела. Как смотрит на него – выжидательно-вопросительно, поглощая его своими глазами всего, при этом совсем не опутывая, не сковывая, а как бы успокаивая, баюкая.

И он стал приходить в это кафе, совсем пропустив мимо ушей слова матери, что это хозяйка и фирмы, с которой его мать работает, и кафе, в котором он ее видит. У него это тоже стало отдушиной, как у Милы были отдушиной Вадим и другие «друзья».

Только в отличие от Милы, у которой «отдушина» в первую очередь гасила нетерпение тела, зуд и вожделение, а уж потом, как следствие, отдохновение и головы, то у него первоначально это была и стала отдушина для души.

И как удачно, что он заговорил с ней по-французски, и как удачно, что она может отвечать ему на этом же языке. Он

даже не замечал сухости и краткости ее речи на русском. Ее говор, даже если она просто отшивала его, звучал для него неожиданно мягко, и если не завлекающе, то, по крайней мере, приветливо.

А когда она начинала разговаривать по-французски, то и ему казалось, что он совсем другой человек, совсем в другом мире, а она – вот это центр мироздания, одна и та же в любых мирах. Естественно, что такие формулировки, даже намек на них, не составлялись в его голове. Но что это было так, так тут уж никакого сомнения не было.

Все его знакомые девчонки были просты и предсказуемы, как две копейки. С ними, да, тоже было легко, но эта легкость была естественно проста и незатейлива, безыскусна и безлика. Но это все со знакомыми девчонками, которые так или иначе были вовлечены в круговорот его жизни, как одноклассницы, однокурсницы, дети друзей его родителей. А вновь знакомиться ему еще не приходилось, да пока и не хотелось.

Еще никто не останавливал его взгляда, приковывая к себе. И от них всех Пете приходилось не то чтобы скрывать, но стараться не демонстрировать свою страсть к стихам.

Когда его начинало раздражать, и он произносил любимые строчки, то все вокруг говорили: «Ну вот, Петя начал вещать, значит, время поддать». И от этой незатейливой черствости и недружелюбности друзей и подруг Петю коробило.

Ну почему они все такие не восприимчивые, почему мерная музыка стиха ничего в них не будит, кроме скотского желания и идиотского хихиканья. А тут впервые его слушали, не прерывая, не смеясь, не подтрунивая. И хоть он и не знал, что для Милы его стихи, то, что он ей выдает, тоже откровение, тоже впервые, но все же она поглощала его речи. Поглощала все, что он произносит.

Он это чувствовал. Только он еще не знал и не понимал, что она и его тоже поглощает. Его уже засасывало желание видеть Милу, только для себя он еще не осознавал, что это именно желание видеть ее, а не желание посидеть в уютном кафе, послушать музыку, вкусно поесть, на что он кивал, когда направлялся к Миле.

И пропал он на месяц, совсем не желая этого, просто сначала заболел, потом расчищал образовавшиеся хвосты, потом... У юности есть великолепная черта, – не очень долго вспоминать прошедшее, – да и количество новых впечатлений и событий всегда больше в молодости.

Вот почему нескольких недель ему хватило, чтобы почти полностью подзабыть и уют кафе, и спокойный, принимающий взгляд Милы. Почти полностью, потому что где-то внутри, оказывается, сидел (уже или все еще) чертик, крепко привязавший его к этому месту, к этой женщине.

Но и теперь ритмичная периодичность появления Пети в кафе не восстановилась. А Мила почувствовала, что она уже не просто хочет присутствия Пети у нее в заведении, не просто хочет два-три раза в неделю видеть его, а она ХОЧЕТ Петю. Хочет держать его в руках, хочет соединять свои губы с его губами, хочет соприкоснуться с ним коленями. Она ХОЧЕТ его!

Мила сама обалдела от оформления своих ощущений в такие мысли, в такие слова. «Ласточка, – говорила она самой себе, – ты же хочешь ребенка, ты же хочешь совратить мальчика, ты же хочешь растлить малолетку. – Да, хочу, хочу, хочу! И потом он уже не малолетка, а совершеннолетний. – Но это ведь только по паспорту, а так он для тебя-то ребенок. – Но я его все равно хочу, и добьюсь, чтобы наши ноги и животы соединились».

Вот такие диалоги проносились в ее голове. И мысленно победив, оправдав себя, свои желания, вернее, отодвинув их в сторону, Миле становилось приятно и легко.

Цель желания сформировалась. Известно за что бороться. И если возникшая до этого непривычная мечтательность не то чтобы беспокоила Милу, она просто не совпадала с ее деятельным характером, и потому озадачивала. Сейчас и мечтательность попадала в струю активности Милы. Она радостно

отдалась желанию добиваться Пети.

А Петя, вернувшись после болезни, после долгого отсутствия, вернулся так, как к себе домой. И встретился с Милой очень легко и уверенно, будто ждал и хорошо подготовился к этой встрече. Он говорил провоцирующие слова, но совершенно не намеренно, совершенно не испытывая боли, не испытывая стеснения.

«Снова сон, пленительный и сладкий, снится мне и радостью пьянит, – милый взор зовет меня украдкой, ласковой улыбкою манит» (*Ив. Бунин*), – и ему было комфортно. Комфортно в этом кафе, комфортно сидеть напротив Милы, смотреть, как она прихлебывает кофе и не придумывать слова, не стараться кем-то выгладеть, а произносить то, что произносится, молчать, когда ничего не хочется говорить.

– Петенька, тебе только сны здесь снятся, проснись, все не так, как кажется.

– Милочка, *et moi, je ne veux pas me reveiller.* (*А я не хочу просыпаться.*)

– *Tu risque d'être en retard.* (*Ты можешь там и остаться.*)

– *Je suis prêt, mais la en sommeil, la tu es ...* (*Я готов, ведь там – ты.*)

– *Moi – c'est dangeureux, mais agreable.* (*Я? – это опасно, но приятно*). Рядом с ней он чувствовал себя большим, состоявшимся, взрослым. И поэтому состояние комфорта позволило ему не частить с посещением этого кафе, не бежать

сломя голову, чтобы увидеть Милу, а заходить лишь тогда, когда ноги сами туда приведут. И он не замечал, что ноги все чаще вели его к ней, а он пытался сопротивляться, совсем не отдавая себе в этом отчета.

Внешне Мила по-прежнему не менялась. Но это лишь при поверхностном взгляде. Внутри у Милы уже все перевернулось. И первым это заметил Муж. Но, заметив, истолковал это по-своему и привычно-неверно по отношению к своим выводам о Миле, а потому это новое сформировавшееся влечение Милы, влечение к Пете, для него оставалось неведомым.

Он и раньше, со времени появления Пети, говорил Миле, что она стала его замучивать в постели. А теперь, казалось, он стал шарахаться от нее и уже не просто твердил, что она его изнасиловала, что он устал, а говорил, что она стала уже нетерпимо извращенной и неумеренной. А Милу подогревало и распирало всякий раз желание Петиной близости, хотя и она только-только, наконец, оформила явственно то, что не давало ей покоя, с тех пор как она увидела Петю.

И она истязала Мужа, пытаясь получить удовлетворение от того, от кого она более не могла получить всю палитру рисующихся ей наслаждений. Тем более что это ожидание наслаждения Петей окрашивалось пока неиспробованными и неизведанными предвкушениями.

То, что раньше ей казалось приятным, достаточным, полным, теперь было безвкусным и тягуче пресным. Раньше с мужчинами Мила всегда четко ощущала свое тело, все его закоулки и желания каждой частицы его, равно как и ощущала тело мужчины, бывшего с ней. И всегда могла найти пути и методы достижения наивысших удовольствий, удовольствий не только для себя, но и для своего партнера, ясно чувствуя дрожь и желания каждого его члена, стремление каждого его движения.

А сейчас и тело партнера, по крайней мере, Мужа, стало для нее расплывчато аморфным, и дрожь его желаний уже не очень подогревала ее. Да и свое тело тоже почти не отзывалось на ласку, на зов, на провокацию. Оно по-прежнему было требовательным, но уже не знало, что же оно хочет, что же ему надо.

Дни и тянулись и летели. Мила и работала, и ездила отдыхать с Мужем. Но теперь отрывочные встречи с Петей не пугали ее своей редкостью. Поняв, что она хочет его, Мила одновременно поняла, что она этого добьется.

И теперь она уже не просто рассеянно слушала, что Петя ей лопочет: «Узорные ткани так зыбки, горячая пыль так бела, – не надо ни слов, ни улыбки: останься такой, как была» (*И. Анненский*), а, сохраняя внешне тот же самый вид ленивого равнодушия, уже расчетливо охотилась.

И в ночные ощущения стала потихоньку возвращаться

острота восприятия. Петя, желание его уже вписались в расписание «деловой» жизни Милы. Но и Мила не до конца четко еще сама осознавала, каково это ее желание.

Она только оформила это в слово ХОЧУ, но ЧТО внутри нее, ЧТО заставило ее сказать это слово, Мила сама даже не подозревала, не подозревала, что такое вообще может быть. Она и сама удивлялась, как это Петя и как это она соединились у нее и оформились в такие мысли, такие желания.

И если все свои изменения, все свои мучения, все возникшее с его появлением, все, чем она теперь уже наслаждалась, наслаждалась, мучительно изнывая и страдая, все это еще укладывалось в ее голове в целесообразность и естественность возможных событий, то само слово ХОЧУ, связанное с ним, и все, что за ним скрывалось, уже и ей казалось порочно-неприемлемым и, наверное, даже унижительным.

Унижительным оттого, что она ХОТЕЛА теперь такого, как ей казалось, недостойного, такого не доросшего до нее, и не только в силу его физического возраста, но скорее, как она считала, в силу его возраста по уму, его незрелости. Ей казалось порочным и недостойным соблазнить, а еще более быть соблазненной таким почти ребенком, таким младенцем.

Но это-то как раз и делало его еще более привлекательным для нее. Это-то и было как раз невыразимо сладким унижением, изысканная тяжесть которого все сильнее подкашивала ее ноги, ужасная сладость этого унижения и заставляла Милу хотеть его все более дико, необузданно, неизъяснимо

страстно. И теперь она уже удивлялась и тому, как это она просто ходит, сидит, говорит рядом с ним, а не сгрызает его, такого неожиданно вожаденного.

Охотиться было легко и приятно. Легко не оттого, что получалось все и сразу. Наоборот, события растягивались во времени и слегка пугали своей незавершенностью, все более отдаляя от желанного финала начавшуюся охоту. А легко оттого, что само по себе было уже действие, процесс, что вполне соответствовало образу «прежней» деятельной Милы, и оттого, что цель охоты была рождена уже частью нынешней, мечтательной Милы.

Впервые после раскола Милы на две половинки – деятельную, прежнюю, и вновь появившуюся мечтательную, они обе стали работать в унисон. Впервые они не противоречили и не мешали друг другу. Легко и оттого, что свою появившуюся мечтательную часть Мила воспринимала как бы со стороны. Для ее трезвой, здравомыслящей, практичной головки все, что происходило по отношению к Пете, было до сих пор сюрреальностью.

Сюрреальность происходящего подчеркивала их, казалось, неестественная разница в возрасте. Недостоверность их отношений была и в том, что Петя, с первой же их встречи, с момента их знакомства, стал переходить в разговоре с Милой на французский.

По-видимому, разговаривая на не родном для себя язы-

ке, он чувствовал себя более раскованно, более развязано, не стесненным юношеской робостью, как бы избавляясь от нее. А для Милы французский был бегством от сухой деловой жестокой реальности в мечтательную чувствительность, где она наслаждалась и взглядами, и интонациями голоса, и мыслями о скором соприкосновении коленей.

Временная неопределенность и протяженность этого «скоро» совсем не пугали и не расстраивали Милу. Ее деловая часть, ее прежняя Мила оптимистично подтверждали ей, что она своего добьется, а день, час, месяц этого уже не имеют значения.

И при этом деловая, прежняя Мила пыталась слегка охладить иногда зарывавшуюся мечтательность, которая все торопила достижение цели, подстегивая к действию, тем, что вполне разумно говорила, что предвкушение, предчувствие удовольствия намного приятней, вкуснее самого удовольствия. И уж совсем уводили Милу в сторону от реальности стихи, что постоянно цитировал Петя.

Никогда раньше никак не связанная со стихами, кроме как школьной программой, Мила впервые начала их слышать именно от Пети. И все вместе – стихи, Петя, французский – переносило Милу из привычной обстановки в совершенно иной мир. Однако при этом Мила вполне сохраняла способность контролировать свой прежний мир, свой прежний образ жизни. Скорее, Мила продолжала жить, как и жила, но при этом перед ней открылась возможность полу-

чения новых ощущений, появилась способность по-новому чувствовать, казалось, уже давно испробованные, знакомые процессы.

А Петя, Петя, после того, как Мила осознала, что она ждала его появления, вновь стал чаще заходить в кафе. Очевидно, природная застенчивость, робость, по-видимому, не давали еще ему раскрепоститься в других местах. А здесь, с самого начала, нереальные, казалось, отношения, раскрепощали, позволяя без стеснения и жеманства быть самим собой. Как будто он играл в увлекательную игру. При этом объект игры был и мил и привлекателен.

Но он и сам не знал, что играет какую-то игру. Да и вообще, была ли здесь игра? Это для нас они – артисты на сцене, в причудливых изгибах, с замысловатыми речами. А он просто жил. Жил своею жизнью. Так, как у него получалось. Не зная, что пытается получить удовольствие, и уже получая его. Но уже зная, что за взглядами и словами могут последовать другие, не менее материальные вещи.

Его руки уже неосознанно стремились почувствовать Милу. Его губы, когда он разговаривал с ней, уже припухали совсем не детской припухлостью, а припухлостью желания. Желания, о котором он еще ничего не знал.

Желания, которое Мила уже разгадала, распознала, и спровоцировала самым своим существованием.

Петя сидел за ее столиком, продолжая свою игру и не зная о ней. Он даже попытался принести с собой какие-то бумаги, чтобы Мила прочитала их.

– Петенька, ты с ума сошел, какие у тебя могут быть дела, какие договора? Что ты и мне и себе мутишь голову.

– Мила, я серьезно...

– Сознайся хотя бы себе, что вся серьезность – это то, что ты пришел на меня поглядеть.

– Мила, je parle pas de cela, c'est claire. *(об этом я и не говорю, это так очевидно.)*

– Петенька, je t'apprendrai. Il faut dire tout le temps aux femmes et aux filles des choses claires et agréables. Elles comprennent que c'est le mensonge, mais ça leur plaît. Mais ne dit jamais que c'est la mensonge! *(я сейчас тебя учить буду, девушкам, женщинам надо все время говорить очевидные, приятные им вещи, и хоть они и понимают, что все это ложь и лицемерие, но тем не менее им эта ложь приятна. Только никогда не признавайся в том, что в этом ты лжешь!)*

– Мила, je ne te mentis pas quand je viens chez toi – je viens vraiment chez toi. *(я совсем не лгу, приходя к тебе. Я прихожу действительно к тебе.)*

– Bravo! Tu me comprends bien pour le moment! *(Молодец, ты все правильно усваиваешь.)*

– «Ты в зеркало смотри, смотри не отрываясь, там не твои черты, там в зеркале живая, другая ты» *(Черубина де Габри-*

ак).

– Bon, salut, je vous quitte. (*Ну, все, пока, я побежала.*)

«Мила! Что с тобой?!» – восклицание Мужа порадовало Милу. Она вернулась домой в юбке! Мила никогда не пользовалась никакой косметикой. Вообще на свой внешний вид она обращала мало внимания. Чиста, опрятна, аккуратна. А что до остального – так это ваше дело.

Так она рассуждала. «Главное, что мой облик не огорчает меня, а кому не нравится, тот мне не нужен». Поэтому и в одежде она всегда и прежде всего исповедовала принцип удобства и утилитарности. И как только смогла руководить своим обликом, своей одеждой, так тут же надела брюки, и уж более не меняла свой образ. Какие каблуки – это ведь неудобно. А тут вдруг юбка, вдруг туфли.

Еще до осознания желанности Пети, внутренние изменения Милы начали проявляться и внешне. То, что мы сначала формируем в мысли, а потом эти мысли оформляются словами – это конечная стадия того, что уже произошло.

Что произошло вне и внутри нас. И мы еще не догадываемся о происшедшем, а уже сердце начинает учащенно биться, уже кровь приливает к щекам, уже внутреннее просвечивает сиянием глаз.

Так и Мила сначала была захвачена, закручена этим внезапным неудержимым потоком, как сель, сметающим и смы-

вающим все на своем пути. И лишь затем уже начала проявлять интерес к причине этого потока, лишь потом стала осознавать то, что он был, лишь потом узнала, что и у него есть имя, и это имя – Петя, лишь потом увидела его отдельно, а не только дрожанием ног, краской щек, твердеющей грудью. И уже совсем десятым действием, событием было то, что она поглядела и на себя, увязав его с собой.

Мила впервые поглядела на себя, на свою одежду, не только с точки зрения удобства и полезности, но и со стороны элегантности, красоты. И вдруг увидела, что и она (как большинство, подавляющее большинство, можно сказать – все женщины) ходит в брюках.

Конечно, это удобно. Конечно, это практично. Но отнюдь не женственно, отнюдь нет чарующей заманчивости ножек. Уже никто, глядя на обилие «штанов» вместо ножек, не сможет сказать: «О, закрой свои бледные ноги!» (*В. Брюсов*).

«Мы все в брюках унисекс, какие-то рабочие лошадки. Или все мы кривоногие, что боимся их показать?» – такие рассуждения появились у Милы. Она как-то по-новому осознала себя женщиной, женщиной, на которой должны останавливаться изумленные мужские взоры; один взгляд на которую должен вызывать неодолимое желание обладать ею.

И прежде всего это желание должно пробудиться в Пете. Она должна сломать в его глазах сложившийся образ неприятельного товарища иного пола, позволяющего безнака-

занно играть с собой словами и взглядами.

И, поехав на работу, не доехала до нее, а свернула в поход по магазинам. В первом же магазине Мила вызвала помощь – Вадима. Даже для нее было трудным самой себе отвечать на вопросы подходит та или иная вещь, или нет. А «мирный» Вадим, давая совсем, на ее взгляд, бестолковые советы, тем не менее служил лакмусовой бумажкой, не оценки вещей, а ее чутья. Он помогал ей просто держать то, что она отбирала, и командовал продавщицами, заставляя их таскать все подряд в примерочную.

Оказалось достаточно трудным делом в изобилии товара избежать кича, эпатажа, крикливости. Миле это удалось, убив на это весь день. Скромное достоинство новой ее одежды, как и раньше, не кричало о своей дороговизне, а теперь уже исподволь говорило, что внутри нее женщина.

Как, глядя на птицу, сидящую на земле, мы понимаем, что это та, которая летает. Так и теперь, образ Милы говорил, что это Женщина. Мила видела, как изнемогает Вадим от такой феерии. Как ее изменившаяся оболочка завела его. Хотя и без этого огонь желания все время, когда она с ним встречалась, горел в его глазах.

Если раньше Миле приходилось все-таки включаться, чтобы получить мужчину, то теперь и изменившаяся одежда, и ее изменившийся облик, невольно рождали у окружающих ее, наверное, такие же желания, что рождает преследуемая

жертва у маньяка-насильника – непреодолимую жажду обладания ею и одновременно ощущение нежной осторожности, от восхищения неизведанной загадочной прелести. Она теперь все время была настороженно заманчива, в основном от уже внутренней подсветки стремления получения Пети.

И слегка устав от своего вояжа по магазинам, Мила согласилась на изнемогший, умоляющий взгляд Вадима. Выйдя из магазина, – что же, Вадик, вези меня, мне тоже передохнуть надо.

– Милочка, я с удовольствием.

– Ну, уж это, с удовольствием или без, но вези меня.

И, приехав, она продолжала примерять обновки. Тоже совершенно новое для нее действие, до этого все ее примерки всегда заканчивались примерочной магазина, а сегодня она продолжала вертеться, почти точно так же, как вертелась тогда, утром в ванной перед зеркалом, очень оценивающе оглядывая себя, примеряя, как Петя посмотрит на нее.

А Вадим уже вылез из ванной и стоял возбужденный, возбуждаясь все больше и больше. А Мила, оценивающе глядя на него, представляла, как будет возбуждаться Петя, как он будет привлечен, еще больше привлечен ею. И как это, желаемое ею, влечение Пети воплотится, как скоро он или она воплотят свои влечения. И, уже не спеша, лениво разделась и подошла к Вадиму.

– Ты сегодня более бодр, чем обыкновенно.

– Это ты сегодня более влекущая.

– Вадим, ты договоришься, значит, я тебе уже не нравлюсь, это что-то новенькое.

– Милочка, что ты, ты меня не так поняла, я...

– Тогда давай исправляй свою ошибку. – И Мила снимала напряжение дня, напряжение поиска, пытаюсь снять и разрядить все напряжение последнего времени.

Муж обалдело глядел на новую Милу.

– Ты удивительно хороша сегодня. Я даже...

– Неужели? Несмотря на вечную усталость? – прервала его Мила.

– Да!

И они потащили друг друга к кровати. Муж разошелся, а Мила счастливо улыбалась – сработало на нем, значит, сработает и на Пете.

На работе и везде, где она постоянно бывала, эти внешние изменения гардероба не прошли незамеченными. Впервые увидев Милу в новом образе, все впадали в легкий ступор, после выхода из которого тетки начинали обсуждать, где это Мила прошла курс омоложения, и какой косметикой стала пользоваться. А мужчины говорили друг другу, что и раньше-то она была сексапильна, а сейчас вообще стала вызывающе, дразняще заманчива.

А Мила по-прежнему не пользовалась никакой косметикой. И не в смене брюк на юбку было дело. Мила подсвечивалась изнутри. И глаза стали блестеть, и губы стали ярче. Движения стали мягче, изысканней.

Мила чувствовала, что внутреннее начинает неконтролируемо проявляться в ее облике. И намеренно старалась вести себя еще суше, еще деловитее, искусственно остужая разгоряченную кожу, сиянье глаз, нетерпенье губ, ожидающих мгновенного слияния плоти.

Но Мила-то знала, что как только она овладеет Петей, то половина красок, так манящих сейчас, померкнет, и потому, нетерпимо желая его, не спешила ускорить их слияние, а расчетливо наслаждалась каждым мгновением своей охоты, одновременно трепеща от мысли, что одно неосторожное движение, взгляд, слово, могут навсегда спугнуть его.

Поэтому она переделалась в «охотничий» костюм, она вышла на «охоту». Но никто не мог и догадаться, что охота началась, и уж тем более – на кого эта охота. Даже ее подружки, зная неумность, невоздержанность Милы в отношении мужчин, не предполагали, что все перемены в Миле связаны с новым, пока еще не мужчиной – мальчиком.

– Вадим, я у... приезжай.

Мила никогда совсем не интересовалась, где он, и что он сейчас делает. Если у нее появилось желание, то будь добр, приезжай. Когда Мила с ним познакомилась, он был уже владельцем устоявшейся фирмы, а она только-только начинала свой бизнес.

Но она развивалась и выросла, выросла в крепкую, авторитетную, солидную организацию, имеющую и вес и значение. А его фирма так и осталась на том же уровне, на котором они познакомились.

Да, ему хватало денег, чтобы содержать и жену, и семью, и машину, но и только. Даже по работе Мила иногда кое-что делала для него бесплатно. А когда они встречались, то везде расплачивалась только она, безжалостно и властно пресекая его позывы.

Вот и сейчас она сидела в ресторане и ждала его. Ждала, чтобы расслабиться. Ей почему-то было проще отключиться от дел, забот, когда он был рядом. Наверное, он уже для нее

был как подруга, как кабинет психотерапевта, только с его появлением голова у нее совсем раскрепощалась от забот, только с его появлением начинался настоящий отдых.

– Милочка, я здесь.

– Как ты долго добирался!

– Я мчался к тебе как ветер.

– От такого ветра даже белье не полощется.

Странные их отношения для них были привычны и для обоих удобны. С того времени, как Мила разрулила все проблемы Вадима, с момента, как она им овладела, он попал в какую-то интересную зависимость от нее, прибегая по первому ее зову.

Надо сказать, что она этим не очень злоупотребляла, и разбавляла близость с Вадимом близостью с другими сменными «друзьями». А она тоже как-то странно попривыкла к нему, странно именно для себя.

Она, так трепетно и так придирчиво относящаяся к телу партнера, почему-то терпела уже поплывшую фигуру Вадима, уже явственный семимесячный его животик, то, что она на дух не терпела у мужчин, говоря, что если мужчина может видеть свое хозяйство только в зеркале, то это уже не мужчина, а беременная лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.